

Содержание

Предисловие	7
Устройства	25
Приложе... привидение	27
Старый дом на родине	50
Дух из машины	72
<i>JW1: Странные встречи</i>	94
Места	103
Пустая комната	105
Шуба	124
Ботинки	143
Дверь	168
<i>JW2: Необъяснимое</i>	188
Люди	193
История о привидении без привидения	195
Неоткрытая земля	213
Кентервиль и Кок	228
<i>JW3: Призраки, которых мы не видим</i>	254
Посещения	259
Разрезанный воздух	261
Фонтан со львами	283
Ночная сторона реки	300
<i>JW4: Будущее призраков</i>	313
Выражение признательности	318

*Моей дорогой подруге Э. М. Хоумс,
которая знает, что жизнь — это нечто большее,
нежели то, что мы способны увидеть.*

Предисловие

Следует почитать духов и богов,
но держаться от них подалше.

Конфуций

Вы верите в привидения? Поскрипывание ступеней, внезапный холодок в комнате, странный запах, дрожащий свет в окне. Старинный дом, замурованный коридор, наплывающий туман, обвалившиеся зубцы крепостной стены, непроницаемый мрак, безмолвие заустения, могила, в которой валяется лишь истлевший саван, сырая постель, слишком мягкая на ощупь. Внезапное ощущение чьего-то присутствия.

Люди очарованы своими призрачными «я».

Это очарование отлично от любой веры в божественные силы. У истории верования в привидения, в призраки, в духов есть странная особенность: в них верит немало людей, не верящих в бога.

В мире, каким он был до наступления Новых времен, где большинство населения искренне верило в божество, сверхъестественные сущности были логичной частью картины. Картины мира, одновременно видимого и невидимого.

Но люди постепенно склонялись к светскому мировоззрению, вера в сверхъестественное шла на убыль, а с ней и обычаи оставлять подарки эльфам и феям.

Мы побывали на Луне. Мы живем бок о бок и даже, пожалуй, внутри операционных систем искусственного интеллекта, будь то ваш автоответчик Google PA или «умный дом». Тем не менее во всем мире популярны фестивали призраков.

В Америке в определенные дни семьи украшают дома ухмыляющимися тыквами и светящимися скелетами, траурно-черными шторами на дверях и белой паутиной, оплетающей перила; игра в «Откупись, а то заколдую!» охватывает целые улицы и кварталы. Дети на вечеринках облачаются в самодельные наряды из простыней с прорезями для глаз или же в затейливые костюмы, заказанные в интернет-магазинах, так что получают маленькие лиги упырей и демонов, скелетов и духов предков.

У британцев традиция празднования Хэллоуина зародилась в глубокой древности. Это дохристианский кельтский праздник, когда-то носивший название Самайн — праздник огня, который проводился в начале ноября, перед наступлением настоящей зимы.

Христианская церковь преобразовала этот праздник в День всех святых (1 ноября), имевший, как и все христианские праздники, канун.

Ну и поскольку в старину английское слово «святой» выглядело как *hallow* — теперь оно упростилось до *holy*, но происходят оба слова от древнегерманского *heiligen*, — то в мировую культуру вошло его звукоподражательное название Хэллоуин. И, как это всегда бывает, живым призраки куда интереснее, нежели святые.

Древняя огненная атрибутика сохранилась в форме Джеков-фонарей; обычно их делают из выдолбленных тыкв, на которых вырезают жуткие рожи, а внутрь ставят свечи или фонарики. Считается, что в такую ночь можно ожидать возвращения мертвых.

По всей Центральной и Южной Америке, в частности в Мексике, День мертвых — экстравагантный праздник,

отмечаемый 1 и 2 ноября. Эти дни отводятся для поминовения духов усопших и поклонения им.

Семьи садятся за столы, оставляя место и ставя угощение для последнего из недавно почивших родственников. В городах в деревнях проводятся уличные шествия, сочетающие ритуал похоронной процессии с разгулом карнавала.

Тщательно продуманные одеяния, в которых преобладают изображения скелетов и черепа, погребальные саваны и наряды могильщиков и гробовщиков, еда преимущественно черного цвета — все это одновременно выполняет функции приветствия и отпугивания. Короткое время, отпущенное умершим для их возвращения, укладывается в рамки знаменующих его специальных церемоний. Если дверь открывается, то она должна и закрыться.

В Китае существует не один фестиваль в честь умерших. Цинмин — День подметания могил — приходится на апрель; в этот день принято писать предкам письма, в которых рассказывается, что произошло за последние двенадцать месяцев. Позже, в середине седьмого лунного месяца, наступает Фестиваль духов — более пышное и продолжительное празднование, благодаря которому и весь месяц назван Месяцем духов.

У этих традиций тоже давняя история. Сохранились записки японского паломника о китайском Фестивале духов, состоявшемся в 840 году.

Китайские духи — *гуй* — делятся на множество четко разграничивающихся категорий, например духи-обманщики и духи ночных кошмаров. Голодные духи — это маленькие ужасы, наряду с которыми существуют еще девять отвратительных подмножеств, включая призраков с факелоносными ртами *цзюйгуй* и призраков с вонючими волосами *чумайгуй*, которые в соответствии со своим описанием демонстрируют чудовищное антиобщественное поведение.

Дружелюбных духов в Китае не так уж много, но китайских призраков с призраками всех прочих народов мира объединяет общее свойство, и это не столько ужас, который они внушают, сколько их потребность сподвигнуть человека на какое-либо действие. Призраки возвращаются не просто так.

Привидение может нуждаться в каноническом погребении, без которого покойник не может упокоиться с миром. Ему может быть необходимо передать важное сообщение. Оно может требовать отмщения — именно так было с призраком отца Гамлета, который многократно являлся на открытой всем ветрам крепостной стене, чтобы рано или поздно увидеться с сыном.

В немецком, исландском и скандинавском фольклоре призраки фигурируют как боевые духи, которые будут сражаться вместе со смертными или против них, чтобы охранять сокровища или вернуть землю, которую они считают своей. В древних тевтонских и пантеистических религиях призраки могут «жить» в самых разных местах, включая курганы, где они похоронены.

Эти призраки неравнодушны к своим старым местам обитания, они появляются на фермах и во дворцах, иногда можно увидеть, как они охотятся в лесах. Верховного скандинавского бога Одина называли Другом Дротт, Повелитель призраков, потому что он мог вызывать армии мертвых. Этот полезный прием был использован Арагорном, королем Гондора, во «Властелине колец»; он является одним из распространенных штампов в кинофильмах о зомби и видеоиграх.

Прошлое никогда не умирает.

Люди умирают. Но что происходит потом?

Религию можно рассматривать как первое разрушительное начинание человечества; объектом разрушения при этом являлась смерть.

Религия уверяет, что смерть *не* является окончанием жизни. Далее последует блаженство для одних и заслуженная кара для других. И мы снова встретимся.

Повторная встреча может состояться ранее, чем ожидается — не потому, что оставшиеся поспешат умереть, а потому что ушедшие вернуться с визитом. Но откуда же приходят эти души? Из обители блаженных или из Ада, предназначенного для грешников? Черно-белое деление на Рай и Ад не оставляет места для того, что сильнее всего терзает воображение: для сомнений.

Ты действительно моя умершая жена или демон в ее обличьи?

У католической церкви всегда хватало плодотворных идей. Да, есть Рай, есть Ад, и там, и там есть свои обитатели, но что, если расширить территорию?

Это гениальное расширение было осуществлено путем введения близких, но не идентичных понятий Чистилища и Лимба.

Данте в «Божественной комедии» (1320) расположил Лимб в Первом круге Ада. (*Limbus* в переводе с латыни означает «край», «кайма», так что Лимб находится прямо за границей собственно Ада, как дома благородного сословия, расположенные слишком уж близко к запретной зоне в центре города, заполненной горящими машинами и жителями, поедающими друг друга).

Просторный, милостивый и аскетичный Лимб стал домом для тех, кто никогда не попадет на Небеса, но и никогда не испытает мук Ада.

В Лимбе обретались добродетельные язычники, а также некоторые исламские ученые. Их соседями были некрещеные люди, особенно младенцы и малолетние дети, за которыми, по-видимому, постоянно очень заботливо ухаживали.

У добродетельных евреев имелась своя часть замка и территории вокруг него, хотя к тому времени, когда

Данте приступил к написанию поэмы, некоторые евреи уже вознеслись на Небеса. Переезд произошел благодаря «Сошествию во Ад» — посещению Христом Подземного мира после Его Распятия и перед Его Воскресением — миссии по спасению части его соплеменников.

И раз Христос смог пройти туда, то почему бы другие не могли выйти оттуда?

В Библии ничего не говорится о Лимбе, но полезность этой концепции долго считалась слишком значимой, чтобы от нее отказаться, и эту часть загробного мира официально отменили только в 2007 году. Дети, которые там находились, были переселены папским указом на Небеса, а вот что случилось с другими эвакуированными жителями, точно не известно. Католическая церковь всегда владела обширной недвижимостью. Полагаю, домовладелец имеет право выставить жильцов вон.

Зато Чистилище по-прежнему остается желанным пунктом назначения и предлагает столько места, сколько нужно мертвым, хотя технически Чистилище — это не место, а процесс. Это процесс очищения, который включает в себя душевные страдания, но страдания, которые могут быть смягчены, если на земле найдется достаточно отзывчивых родственников и друзей с лишними деньгами.

Души, которые попадают в Чистилище после серии неудачных событий (прямо выражаясь — грехов), могут сократить свое пребывание там благодаря (оплаченным) мессам или (крупным) пожертвованиям церкви. В это время такие души — рассматривайте их как временно утраченное имущество, ожидающее окончательного взыскания, — могут прийти, чтобы навестить своих друзей или врагов или просто слоняться поблизости с несчастным видом, как это свойственно призракам. Но они не переодетые демоны. Это ваши умершие родственники. Тьфу.

После Реформации (свисток раздался в 1517 году; для получения полной информации об игре см. в любой энциклопедии: «Мартин Лютер») в отношении к подобным призракам произошел довольно крутой поворот, причиной которого стало утверждение протестантов, что душе после смерти некуда идти, кроме как в блаженство или мучения, и что спасенные никогда не покинут Небеса и проклятые не могут покинуть Ад. Итак, любой, кто выдает себя за вашу покойную жену, — да-да, не сомневайтесь! — переодетый дьявол.

Вторая атака на практику посещения обычными призраками обычных людей началась в конце 1600-х годов, по крайней мере на Западе, когда научное мышление (эпоха Просвещения) стало ставить разум и скептицизм выше веры или традиции и отдавать предпочтение экспериментам с повторяемыми результатами. Итак, ночной визит вашей покойной жены не засчитывался как повторяемый результат и потому не мог служить доказательством существования призраков. Его уже не считали явлением злого духа из дьявольского окружения, но объясняли галлюцинацией, вызванной лихорадкой, оспой, отравлением свинцом, заплесневелым хлебом, умеренной выпивкой или плохим ужином.

В «Рождественской песни» Чарльза Диккенса (1843) Скрудж пытается отмахнуться от призрака своего умершего делового партнера Джейкоба Марли фразой: «Может быть, вы — вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины или лишняя капля горчицы»*.

Но, несмотря на протестантскую теологию, научный материализм или тот очевидный факт отсутствия эмпирических доказательств того, что кто-то воскрес из мертвых, призраков все же не удалось изгнать из их неизменной прародины — нашего воображения.

* Перевод Т. Озерской. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Именно эту исконную обитель ужаса и великолепия имел в виду Гораций Уолпол, когда в восемнадцатом веке включил широкие массы в раскрутку совершенно нового витка призракомании.

Роман Уолпола «Замок Отранто» (1764) мгновенно обрел всеобщую популярность. На рынок с лязгом — поскольку духи часто задействовали рыцарские доспехи — вернулась вся накопленная атрибутика верований в привидения.

Дома с привидениями, средневековые замки, разрушенные монастыри и монастыри, наделенные непостижимо гнетущей атмосферой, мрачные леса, пятна крови, обреченные влюбленные, темные перекрестки, виселицы, могилы, мечи и шлемы, жуткие мощи (обратите внимание на приметы католицизма), портреты с Прошлым, чьи масляные изображения таинственным образом покидают рамы и бродят по замку, — взволнованную читающую публику ожидало все это и много чего другого.

Триумфальное возрождение средневекового призрака — новой готики — принесло с собой особую погоду: бури, дождь, туман. Собственную будоражащую нервы атмосферу: истерически-надрывную, насыщенную страхом.

Феноменов было предостаточно — хлопали двери, разбивались тарелки, рушились стоявшие доспехи. Секреты — семейные тайны и похороненные ужасы — выходили из темниц и подвалов на дневной свет. Шествие призраков возобновилось.

Термин «готика» — это отсылка к средневековой готической архитектуре Европы: монастырям, замкам, шпилям, зубчатым стенам, всем неизменным атрибутам этих историй — историй, действие которых всегда происходит в прошлом. Призраки предпочитают прошлое. То время, когда они были живы.

Новое увлечение рассказами о сверхъестественном началось в Британии, но быстро распространилось по

свету. В Германии, где жанр назывался *Schauerroman* (роман ужасов, роман, от которого бросает в дрожь), он начал вбирать в себя элементы ранней эры машин.

Немецкий писатель Э. Т. А. Гофман был очарован автоматами, которые стирают границы между биологией и часовым механизмом и кажутся живыми. Его жуткий рассказ «Песочный человек» (1817) основан на одноименном фольклорном страшилище, которое находит детей, не желающих засыпать, и бросает им в глаза песок. История Гофмана, в которой действует Олимпия, заводная женщина с встроенными в механизм настоящими частями тела (глазами), ставит тревожащий вопрос: что реально, а что нет? Может ли искусственное создание быть живым? Эту жуткую идею Мэри Шелли гениально оформила в своем романе «Франкенштейн» (1818).

Публика не могла насытиться. Готическая проза о привидениях быстро обрела огромную популярность по обе стороны Атлантики.

В 1820 году Вашингтон Ирвинг опубликовал «Легенду о Сонной Лощине», действие которой происходило в 1790-х годах в одноименном голландском селении, славившемся множеством сверхъестественных явлений. Здесь представлены темы, характерные для американской готики, в частности подспудные настроения самой земли, ее кровавая колонизация, память о которой зримо возвращается в виде череды привидений.

Перенос истории о сверхъестественном назад во времени или в иное место — излюбленный прием готики. Натаниэля Готорна глубоко тревожила история первых пуританских поселенцев. Он пытался убежать от собственного прошлого, сменив имя, ведь его прапрадед Джон Готорн был судьей на печально известном Салемском процессе над ведьмами, где более двухсот женщин обвинили в колдовстве и двадцать из них казнили.

Натаниэль Готорн ввел в свои рассказы психический надлом и муки совести, свойственные духу первопроходца, которого преследуют совсем другие духи. И вопрос в том, приходят ли эти привидения извне или изнутри?

Эдгар Аллан По видел ключ к сверхъестественному в злобе внутри и снаружи человека. Люди — не невинные существа, подвергающиеся нападениям ужасных сил, над которыми они не властны; человеческая психика — это дверь, стоящая открытой нараспашку.

Такие тревожные вопросы и вытекающие из них ужасающие выводы всплывут снова, гораздо позже, в произведениях Ширли Джексон и Стивена Кинга.

В предисловии (2001 г.) к своему шедевру 1977 года «Сияние» Кинг пишет о разговоре, который состоялся у него со Стэнли Кубриком перед началом съемок «Сияния»: что ввергает Джека Торранса в разворачивающийся ужас? Его собственные демоны? Или призрачные обитатели отеля «Оверлук»? Как говорил сам Кинг: «Я всегда думал, что в “Оверлуке” обитают злобные призраки, которые толкают Джека к пропасти».

На проблеме взаимодействия между привидением и тем, кого оно преследует, построена повесть Генри Джеймса «Поворот винта». Джеймс опубликовал свое произведение в 1898 году, но события происходят еще на полвека раньше, в далеком 1840 году.

Джеймс прослеживает нить связи между воображением страдающего человека и тем, что оно может высвободить. Всего ужаснее в призраках Питера Квинта и мисс Джессел то, что мы не знаем, реальны ли они, или, может быть, новая гувернантка полностью обманута, чрезмерно, фатально очарована, или даже одурманена своим малолетним подопечным Майлсом.

Поместье Блай находится в Англии, в графстве Эссекс, и Джеймс использует прием представления места действия в качестве персонажа повести, чтобы погрузить дом

и прилегающую территорию в устрашающие тревожные. Блай, с длинными, невыразительными, пристально глядящими окнами, с непросыхающей штукатуркой, с пустыми комнатами, отвергающими жизнь. Озеро — холодное, тихое, туманное даже летом. Сам по себе дом отрицает возможность душевного покоя у всех его обитателей.

Написанный через шестьдесят лет после «Падения дома Ашероу» Эдгара По, где сам дом в конце концов исчезает в водах такого же черного и мрачного озера, Блай предстает как разрушающийся, не знающий любви, безумный манипулятор. Проявляется ли эта манипуляция через появление призраков умерших? Или Блай питается теми участками сознания своих обитателей, где живут эти призраки?

Ширли Джексон блестяще использовала этот прием включения места в число действующих лиц в «Призраке дома на холме» (1959). Компания «Netflix» сделала сериал — продолжение этого романа, в котором повествуется об ужасах этого зловещего места, продолжающихся с другими людьми, в другие времена.

Когда я задумывала собственные истории о привидениях, то поняла, что хочу написать несколько таких, в которых место было бы неотъемлемой частью одержимости привидениями. Но меня интересует также, каким образом человек может освободить место от греха, как это делает Джек Торранс в «Сиянии».

Выбрав две категории: места и люди, я написала по три рассказа для каждой из них. Чтобы немного поиграть с формой, были написаны два взаимосвязанных рассказа: «Шуба» и «Ботинки». Естественно, для достижения полноты эффекта их нужно читать вместе и в указанной последовательности.

Меня в самом деле интересуют мертвые (возможно, это побочный эффект моего религиозного воспитания), поэтому в разделе «Посещения» я решила дать им воз-

возможность высказаться самим. Еще одна пара взаимосвязанных рассказов повествует сначала о переживаниях мужчины, переживающего утрату партнера, а затем — о том, что переживает призрак того, о ком он горюет.

Искусственный интеллект все больше перестраивает наш жизненный опыт, я же восторженно думаю о тех изменениях, которые компьютерные технологии внесут в наши отношения со смертью. Эту тему я рассматриваю в разделе «Техника».

Ну, между разделами помещены несколько интервью — мой собственный опыт общения со сверхъестественным. Я не могу этого объяснить. Но при этом не могу не попытаться объяснить.

Я люблю читать истории о привидениях — например, М.Р. Джеймса, который превратил нечто обыденное, мягкое, даже банальное в уникально жуткое, или великолепную книгу Сьюзен Хилл «Женщина в черном», которую я время от времени перечитываю. Это поистине образец работы мастера.

Среди моих любимых «ужастиков» — «Правдивый рассказ о явлении призрака некоей миссис Вил» (1706) Даниэля Дефо (того самого, что написал «Робинзона Крузо»). Это ведь первая современная история о привидениях в том смысле, что она происходит в домашней обстановке и без каких-либо сверхъестественных штук. Она далека от экстравагантности историй о готических призраках, которые появятся лет через пятьдесят, и до сих пор читается с неослабевающим интересом. Миссис Вил не из Прошлого (всегда с заглавной буквы «П»), на ней нет развевающейся простыни при полном отсутствии ветра. Она выглядит точь-в-точь как светская дама, в красивом шелковом платье.

Платье играет существенную роль в этой истории. Его наличие также заставляет обратиться к набившему оскомину вопросу о том, носят ли духи одежду.

Только человеческое тело нуждается в одежде. Но если призрак неузнаваем для тех, кого он посещает, то какой смысл в этих визитах? Явления нужно видеть. Увидеть их значит определить их местонахождение во времени — в их собственном времени. В таком случае получается, что одежда полезна. Одежда, которую мы видим, не материальна (извините, это неудачная попытка каламбура) и, возможно, то, что мы «видим», является энергетическим пакетом, включающим одежду. Призраки когда-то были людьми — и они появляются вновь в состоянии, соответствующем некоему определенному моменту своего утраченного человеческого бытия.

Именно это и происходит в, должно быть, самой знаменитой истории о привидениях всех времен — «Рождественской песни» Диккенса.

Диккенс, придерживаясь готического стиля, перенес действие своей повести в прошлое — в данном случае, в 1820-е годы. Действие начинается в канун Рождества — как раз в это время любят рассказывать истории о привидениях. Первое явление — призрак Джейкоба Марли, партнера Скруджа, умершего семь лет назад в эту самую ночь. Марли одет точно так же, как одевался при жизни, в свой обычный костюм; Скрудж видел даже две пуговицы сзади на сюртуке, потому что его гость был прозрачным.

Мир любит диккенсовскую историю о привидениях во всех видах, в каких ее представляли, но особенно, пожалуй, в варианте «Маллет-шоу». Эта форма соответствует тому удовольствию, которое мы получаем, когда немного напуганы, и в то же время говорит о желании верить, что наши близкие заботятся о нас.

Великодушие и доброжелательность Диккенса перевернули историю о привидениях с ног на голову — в ней не смакуются страхи и трепет, а ведется живое описание вмешательства извне ради благой цели. Призрак Марли